

Этот человек рвался в бой напролом, невзирая на раны. В его душе не было ни капли священного трепета перед императорской властью. Раз уж он осмелился поднять руку на государя, значит, терять ему было нечего.

В мирные годы, если только нужда не припирала к стене так, что единственным выходом оставался бунт, простые люди никогда бы не пошли против трона столь безрассудно. Пока теплится хоть малая надежда выжить, кто станет искать смерти?

Чжао Цзи до смерти надоело тратить время на пустую болтовню и уговоры. Если вина этого человека очевидна, а он упрямо молчит, незачем с ним церемониться. Пусть заговорит под пытками.

Если расколоть его прямо здесь, в Зале Гражданской Добродетели, не удастся, палачи будут истязать его до тех пор, пока язык не развяжется.

Чжао Цзи холодно бросил:

— Молчишь? Взять его. Пытать, пока не заговорит.

— Пощадите! Отрекаюсь от греха, Ваше Величество, я невиновен! — неистово завопил пленник, отчаянно извиваясь на полу. Он кричал так громко, словно одно это слово могло спасти его от неминуемой расправы.

Но крики были тщетны. Двое императорских гвардейцев коршунами прижали его к полу, лишая возможности пошевелиться, а опытные евнухи с тяжелыми бамбуковыми палками в руках уже медленно придвигались ближе.

Едва палачи занесли орудия над неподвижным телом, Чжао Цзи заметил странность: пленник, только что извивавшийся всем телом, внезапно замер.

Плохое предчувствие ледяной иглой укололо сердце императора. Он отрывисто крикнул:

— Ли Сюньхуань!

Практически в то же мгновение распластанный на полу человек резко выгнулся всем телом. Мощный импульс внутренней силы раскидал державших его гвардейцев, подарив ему краткий миг свободы. И в эту же секунду его ладони, налитые сокрушительной мощью, устремились к собственным вискам!

Услышав призыв императора, Ли Сюньхуань метнул свой летающий кинжал без промедления, однако доля секунды оказалась упущена.

Сверкающее лезвие насквозь пробило обе ладони убийцы, увлекая их за собой и выкручивая суставы под неестественным углом.

Казалось, страшный удар предотвращен, но увы — за мгновение до того, как сталь вонзилась в плоть, ладони убийцы успели коснуться головы. Череп хрустнул, лопаюсь изнутри. Смерть наступила мгновенно.

Знаменитый кинжал Ли Сюньхуаня пронзил руки уже остывающего трупа. Инерция броска отшвырнула безжизненное тело назад.

Он застыл на коленях с неестественно прямой спиной. Затем, лишённые контроля разума, мышцы обмякли, и тяжесть мёртвого тела потянула его навзничь. Позвоночник выгнулся дугой, раздался сухой костяной треск — под весом повалившегося трупа с хрустом лопнули суставы в коленях.

В просторном Зале Гражданской Добродетели воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Никто не ожидал, что допрос закончится столь стремительно и страшно.

«Оплошал!» — с досадой подумал Чжао Цзи, но тут же заставил себя подавить панику. Если убийца мертв, нужно искать зацепки на его теле.

Император огляделся в поисках того, кто мог бы выполнить грязную работу, и взгляд его наткнулся на давешнего юного евнуха, которого он совсем недавно отсылал умыться. Когда он успел вернуться? Чжао Цзи нахмурился — он совершенно не помнил момента, когда слуга снова вошел в зал.

Раз уж Сяо Тунцзи поблизости не оказалось, этот малый был хотя бы знаком. Чжао Цзи указал на него пальцем и велел:

— Раздень покойника догола. Обыщи одежду, проверь каждую личную вещь. Ищи любые знаки, клейма или татуировки на коже.

Мальчишка покорно приблизился к трупу. Движения его оказались на удивление ловкими и отточенными: в мгновение ока он содрал с мертвеца лохмотья и даже аккуратно разложил вещи по кучкам. Одежда — отдельно, личные пожитки — отдельно. Снимая окровавленное платье, он, словно брезгуя мешающим стальным клинком, без тени сомнения выдернул кинжал Ли Сюньхуаня из пробитых ладоней и отшвырнул в сторону. Столь кошмарное зрелище ничуть его не смутило — он копался в изувеченной плоти так обыденно, словно занимался этим всю жизнь.

Завершив осмотр каждого дюйма бледной кожи, юноша неторопливо выпрямился и доложил:

— Ваше Величество, на одежде и в вещах покойного ничего подозрительного не обнаружено.

Однако на его спине красуется старый ожог. Сквозь рубцовую ткань едва заметно проступают темные чернила. Осмелюсь предположить, что когда-то там была татуировка, которую попытались свести огнем.

«Выжженное клеймо...»

Чжао Цзи поспешно спустился с возвышения, на котором покоился трон, и подошел ближе, чтобы разглядеть след. Ожог размером с ладонь действительно скрывал под собой едва различимые сероватые разводы. Обычный человек счел бы это за родимое пятно или особенность кожи, но если присмотреться целенаправленно, становилось ясно: подпалина скрывала тайный символ.

Подобным варварским способом избавляются от знаков отличия лишь тогда, когда они способны выдать владельца с головой. Тайная метка, которую пришлось выжечь вместе с плотью.

Очевидно, что к Банде Денежного Листа этот лазутчик отношения не имел. Да и к Горе Белого Верблюда тоже — он пришел в себя задолго до своей фальшивой кончины и внимательно слушал их беседу о Горе Белого Верблюда, не выказав ни малейшего беспокойства.

Незаурядный мастер боевых искусств, обладающий глубокой внутренней силой, не связанный ни с Бандой Денежного Листа, ни с Горой Белого Верблюда, но несущий на теле выжженное клеймо... Смерть судьи Цуй Мина определенно была выгодна третьей стороне. У Горы Белого Верблюда не было веских причин соваться в государственные дела, и гибель этого шпиона лишь подтверждала догадку императора.

Возможно, таинственный кукловод уступал в численности вездесущей Банде Денежного Листа и не имел такого влияния, как Гора Белого Верблюда, но его агенты действовали безупречно и отличались фанатичной преданностью. Какая организация способна внушить своим слугам такую верность, что при первой же угрозе разоблачения они без колебаний ломают себе кости и разбивают головы? Это были настоящие смертники — профессиональные мертвецы, у которых отобрали право на пощаду.

От мыслей у Чжао Цзи заломило виски. Он повернулся к Ли Сюньхуаню за советом:

— Тебе знаком какой-нибудь орден или клан с железной дисциплиной, где верность доказывают смертью, а члены носят особые татуировки?

Тот лишь сокрушенно покачал головой:

— Простите, Ваше Величество. Мои познания о делах цзянху довольно поверхностны, и я не припомню подобных сект. Однако в мире боевых искусств ничего невозможно скрыть навсегда. Как только я покину дворец, сразу же найму осведомителей и разузнаю всё, что смогу.

— Ваше Величество... ничтожный раб... — юный евнух, обыскивавший тело, внезапно опустился на колени, запинаясь на полуслове.

У Чжао Цзи вспыхнула надежда. Он подался вперед:

— Тебе что-то известно? Говори!

Под пристальным, пронзительным взглядом императора тонкая шея мальчишки залилась густой краской. Он робко поднял влажные, подернутые дымкой глаза, а его щеки покрылись нежным, смущенным румянцем:

— Это... лишь смутные догадки ничтожного слуги, государь. Вряд ли они заслуживают вашего внимания.

«Что за чертовщина? — Чжао Цзи почувствовал, как по спине пробежал холодок. — Неужели мой радар дает сбой? Почему мне кажется, что этот сопляк строит мне глазки? Он же евнух! Зачем евнуху меня соблазнять?!»

С трудом подавив неуместные мысли, император напустил на себя суровый вид и произнес как можно более деловито:

— Говори без утайки. Я дарю тебе прощение за любые ошибочные суждения.

Юноша глубоко вздохнул и, опустив голову почти до самой груди, заговорил едва слышным шепотом:

— Когда мне было лет пять или шесть, мы жили на севере. Тогда случился страшный набег саранчи, земля не дала ни единого зернышка. Семья умирала от голода, и родители решились бежать в Кайфэн. Там, на северных рубежах, я видел воинов, чьи тела были сплошь покрыты узорами. Нам говорили, что только величайшие храбрецы удостоены чести носить татуировки. Для них это высшая доблесть и гордость.

Чжао Цзи мгновенно зацепился за его слова:

— На севере? Где именно?

Голос мальчика задрожал, плечи мелко затряслись, и в тишине зала раздался тихий, жалобный всхлип:

— Я... я... не помню, государь...

— А твои родители? Где они сейчас? Прикажи разыскать их и привести ко мне, — велел Чжао Цзи.

Слезы брызнули из глаз мальчишки, и он безутешно зарыдал:

— Они давно... давно умерли, Ваше Величество! Оставшись круглым сиротой, я не мог прокормить себя и был вынужден пойти на оскпление, чтобы спастись от голодной смерти во дворце...

Ниточка, которая едва наметилась в этом запутанном деле, оборвалась с той же стремительностью, с какой появилась. Судьба явно любила преподносить Чжао Цзи жестокие сюрпризы.

Стоило ему решить, что смерть Цуй Мина — дело рук столичных заговорщиков, как на сцене нарисовались Банда Денежного Листа и Гора Белого Верблюда. Но едва он свыкся с мыслью о коварных интригах цзянху, как перед ним предстал возможный иностранный шпион, превращая заурадное убийство в дело государственной важности, пахнущее скорой войной.

Голова шла кругом. Лавина не связанных на первый взгляд событий грозила раздавить его разум. В каком-то полузабытии он перевел взгляд на всхлипывающего слугу и машинально спросил:

— Как твое имя?

Мальчик послушно утер слезы рукавом и пролепетал:

— Мой наставник всегда звал меня Сяо Цзю, государь.

В измученном мозгу императора промелькнула мимолетная мысль: «Сяо Ци... теперь Сяо Цзю? Племянники они у них там, что ли?» Но новые думы безжалостно вытеснили эти глупости, подчиняя себе все его внимание.

Если верить обрывкам географических карт, оставшихся в его памяти от прежней жизни, северными соседями Великой Сун были три государства: Ляо, Корё и Западное Ся.

Военная мощь Корё стремилась к нулю. Отрезанное от Сун беспокойными водами Бохайского залива и зажатое под тяжелой пятой воинственной империи Ляо, это государство вряд ли стало бы лезть на рожон и устраивать диверсии в самом сердце чужой страны. Им бы самим уцелеть.

Оставались Ляо и Западное Ся. С тангутами из Западного Ся сунские войска вели кровопролитные пограничные войны из года в год. И пускай в летописях чаще значились поражения Сун, на деле империя пядь за пядью отвоевывала у Ся плодородные земли. У

тангутов был огромный зуб на сунский престол — они вполне могли подослать убийц.

А что же кидани из империи Ляо? Будем откровенны: династия Сун перед грозным северным соседом всегда выглядела слабой младшей сестрой, покорно платящей дань серебром и шелком. Захоти правители Ляо проучить сунских выскочек, они бы просто двинули свои конные орды на юг. Зачем им плести столь тонкие кружева интриг через заштатных судей? Нет, у Ляо мотивов явно не доставало.

Однако именно в эти годы на северо-восточных окраинах Ляо поднимало голову чжурчжэньское племя во главе с кланом Ваньянь. Если самим киданям эта возня была ни к чему, то будущая золотая империя Цзинь вполне могла попытаться стравить Сун и Ляо. Кровавый конфликт отвлек бы силы киданьских ханов, развязав руки мятежным чжурчжэням. В таком свете подозрение падало именно на них.

Чем больше Чжао Цзи размышлял об этом, тем более логичными казались все версии разом — и в то же время несостоятельными. Можно ли вообще верить лепету Сяо Цзю? Способна ли детская память сохранить столь важные детали спустя годы?

«Моя голова сейчас лопнет! — Чжао Цзи до боли сжал пальцами виски. — К черту всё. Не хочу больше в этом участвовать. Как подать в отставку с должности императора? Срочно ищу надежный способ отречься от престола. Вопрос жизни и смерти, дело не терпит отлагательств!»

«Признаю: я никчемный офисный планктон, волею судеб заброшенный в тело правителя. Моих способностей тут не хватит даже на неделю»

Прежде чем взойти на престол, он частенько поругивал прежнего хозяина этого тела за безволие и глупость. Теперь же до него дошло: на этом проклятом троне любой неизбежно превратится в беспомощное ничтожество. В сумерках Северной Сун у императора была тысяча способов бездельничать и предаваться праздности, но стоило попытаться уберечь страну от неминуемой гибели, как каждый шаг превращался в прогулку по минному полю.

Он тешил себя иллюзией, будто всё рассчитал, но реальность оказалась куда сложнее его наивных выкладок. В конце концов, кем он был в прошлой жизни? Обычным клерком, сгоревшим на работе и скончавшимся от переутомления. Его кругозор просто не вмещал масштаб геополитических игр древности.

Если судить беспристрастно, настоящий Чжао Цзи, хоть и слыл праздным гулякой, вырос в этих дворцовых стенах и с малых лет впитывал ядовитую атмосферу интриг. Возможно, его заурядные таланты уступали даже этому пропащему принцу.